

АСОНОВ Николай Васильевич — доктор политических наук, академик АПН, профессор кафедры политологии и социологии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета (119991, Россия, г. Москва, ул. М. Пироговская, 1, стр. 1; nbassonov@yandex.ru)

ТАЛИНА Галина Валерьевна — доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета (119991, Россия, г. Москва, ул. М. Пироговская, 1, стр. 1; gtalina@yandex.ru)

ГЕНЕЗИС РОССИЙСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВЛАСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные властные концепты России в IX–XVII вв.: симфония светской и духовной властей как основа функционирования социального организма; сотрудничество демократических, аристократических и монархических элементов в управлении как реализация принципа «глас народа – глас Бога». Делается вывод о приверженности России идее общехристианской пирамиды власти во главе с Иисусом Христом, представленной на каждой ступени носителями светских и духовных чинов. Авторы опровергают тезис, что общество разделяется на субъект и объект властно-управленческих отношений, т.к. даже низовые группы в социальной иерархии играли активную роль в органах самоуправления – начиная с вечевых сходов и продолжая губными и земскими избами.

Ключевые слова: симфония властей, монархия, аристократия, демократия, вече, земские соборы

Симфония властей

Какая форма власти (азиатская или европейская) является базовой для России? Это вопрос – предмет давних споров историков и политологов. Любой ответ на него, не опирающийся на источники, нельзя считать верным. Именно источники помогут понять характер российских представлений о государстве и власти, выявив специфику их управленческих моделей.

Становление российского государства как важнейший этап в развитии политической власти приходится на период феодализма, когда сущность оценки государства и власти определяла религиозная система ценностей и целей. Не случайно даже классики марксизма считали, что религия выступает «в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»¹. Поскольку Русь в 988 г. вошла в христианский мир, она должна была следовать правилам, которые этот мир принял. Функция контроля за соблюдением правил находилась в руках духовенства, обязанного защищать социально-политическую систему от влияния других религий, способных навязать свои представления об истине.

Доверием пользовались только христианские документы, составленные от имени Церкви или получившие ее благословение. Все иные сочинения, включая труды Платона, Аристотеля и Цицерона, могли использоваться, если не перечили христианским воззрениям на государство, власть и общество. Данный аспект нашел свое подтверждение в источниках церковного права как главного юридического документа христианских стран. Его основу составили Священное Писание (Библия) и Афинская синтагма, известная в России как «Книга Правил святых апостол, святых Соборов Вселенских и Поместных и святых отец». Ведущее место в синтагме заняли каноны эпохи вселенских соборов IV–IX вв., когда христианский мир был един, а Византия была для него законодательницей политической и правовой моды [Берман 1994: 96].

¹ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. – Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Изд. 2. Т. 7. С. 361.

В ту же группу источников попала Юридическая доктрина, вобравшая в себя Дигесты Юстиниана, основанные на мнении чтимых юристов Римской империи (Гая, Ульпиана, Павла и др.) [Варьяс 2001: 89-95]. Эти Дигесты вместе с Кодексом избранных императорских законов, принятых с 117 г. по VI в.; Инструкциями, представляющими собой христианскую трактовку учебника римского права 533 г.; и Новеллами, решавшими вопросы взаимодействия светской и духовной власти, составили *Corpus Juris Civilis*. Его производными в IX в. станут Василики (Царские книги). Они напомним о существовании многих уже забытых законов. Параллельно с ними в 886 г. увидит свет Эпанагога (Возведение), где во II–III титулах будет сформулировано учение о светской и духовной власти как о двух главах единого социального организма, знаменующих собой всю полноту правильной земной власти. Таким образом, можно согласиться с выводом Ф.И. Успенского о том, что «христианская Церковь строилась на основах римского права» и без него «было бы трудно объяснить как соборное начало, так и епископскую... власть» [Успенский 2001: 288], сохранившие в России важную социально-политическую роль до XX в.

Несмотря на то что в полном объеме перечисленные документы не переводились на славянский язык, их общий смысл был доведен Византией до русской власти, ибо с 988 г. Русь входила в состав Константинопольской митрополии, поставившей ей вплоть до XV в. высшее духовенство, а вместе с ним – всю базовую литературу. Поэтому даже в период владычества монгольских ханов Русь не могла жить иными религиозно-политическими стандартами, видя в них обман, уводящий человека от спасения души и союза с Богом. Доказательством этому служит принятие в 1274 г. общерусским Собором не Ясы Чингисхана, а расширенной редакции Номоканона (Кормчей книги). Он, объединив в себе основные церковно-государственные законы IV–IX вв., был утвержден в 920 г. Константинопольским собором как обязательный для всех христианских стран. Наряду с ним с XIII в. на Руси распространяется ранняя редакция Эпанагоги – Прохирон (Мерило праведное).

Следует отметить, что первая версия Номоканона нашла свое отражение еще в Уставе Владимира Святого, составленном в конце X в., дав в кратком виде христианскую модель государственного управления как симфонии двух властей. При этом подчеркивалось, что Устав создан согласно «святым отец правилом и пьрвых царев управленью». Те же, кто решит отойти от этих правил, «да будут прокляти в сии век и в будущи семию зборов святых отец вселеньских»¹. Отсылка, сделанная в этой связи Владимиром, на правила святых отцов и царей указывает на знакомство с более ранним первоисточником Номоканона. Это решения V Вселенского собора 553 г. и Кодекс Юстиниана, вобравший в себя *constitutions* от времени императора Адриана до 534 г. Их основой стало учение блаженного Августина о граде Божием и родившаяся в конце V в. доктрина «двух мечей» папы Геласия I [Аннерс 1994: 184]. Эта доктрина, врученная императору Анастасию, дала политическую трактовку той части Пятикнижия Моисея, где говорится о первом разграничении властных полномочий между священством и царством².

Таким образом, указанные документы позволили создать общую схему теократического государственного управления для всего христианского мира (см. рис. 1). Она представляла собой двойную пирамиду. Во главе ее стоял Иисус Христос – истинный *rex et pontifex*. Носителями светской и духовной власти

¹ Устав святого князя Володимира, крестившаго русьскую землю, о церковных суждах. Синодальная редакция. – *Российское законодательство X–XX веков*. В 9 т. М.: Юридическая литература. 1984. Т. 1. С. 150.

² Библия. Ветхий Завет. Исх. Гл.29 (9); Числ. Гл. 34 (17); 1 Цар. Гл. 10 (19).

Рисунок 1. Схема теократического государственного управления христианским миром

в Западной Европе признавали императора Священной Римской империи и папу, в Восточной – византийского императора и патриарха (точнее, собор духовных лиц), поскольку с 1054 г. христианский мир окончательно разделился на католиков и православных. Формально в этой модели выделяются объект и субъект управления. Субъектом в первую очередь выступали первое и второе сословия. Однако же на местном уровне и третье сословие обладало политическими институтами управления в виде вечевых собраний, крестьянских сходов, казачьих кругов.

В Западной Европе модель мира под управлением Иисуса Христа, папы и императора Священной Римской империи не выдержала испытания в период становления национальных государств, раскола католического мира, становления протестантских королевств с явным преобладанием светских лидеров над духовными. В России данная идея, претерпев кризис середины XV столетия, возродилась и доминировала вплоть до конца XVII в.

Кризис был порожден Флорентийской унией 1438–1439 гг., по которой пра-

вославная церковь принимала католические догматы, но сохраняла обряды и греческий язык богослужения. Уния была воспринята на Руси как предательство Византией православия. Собор епископов в Москве в 1448 г. провозгласил Русскую православную церковь автокефальной. Завоевание Византии турками-османами в 1453 г. трактовалось как возмездие за предательство. Однако женитьба Ивана III на племяннице последнего византийского императора Константина XI Палеолога Софье (1472 г.) способствовала возвращению Руси к византийской традиции управления и усилила сакральное понимание русскими великокняжеской власти. В титуле главы государства появились две новые формулы: «Божией милостью» и «государь всея Руси».

С XVI в. на Руси возобладала идея «Москва – Третий Рим». «Рим» воспринимался как перемещающийся центр истинного христианства, продолжающий свое существование до самого конца истории. Носителями, хранителями этого царства могли быть разные государства: Римская империя, Византия – Второй Рим, Москва – Третий Рим. Теория «Москва – Третий Рим» приобрела доктринальный характер государственного значения с 1589 г., когда на Поместном соборе при возведении Иова в сан патриарха она была официально озвучена от имени светской и духовной власти.

Одновременно с этим различные источники, начиная со «Сказания о князьях Владимирских» и заканчивая «Чинами поставления на царство...» Алексея Михайловича и Федора Алексеевича¹, фиксировали легенды происхождения власти русских государей от римского императора Августа и о поднесении византийским императором Константином Мономахом царских регалий великому князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху. Москва стала восприниматься как новый центр вселенского православия.

В XVII в. представленная выше схема богоданной власти сохранилась с рядом изменений. Во-первых, русский царь занял в ней место византийского императора. Во-вторых, западноевропейское направление русской внешней политики как приоритетное заставляло Россию сравнивать статус своих правителей со статусом императоров Священной Римской империи. В это время «западный» и «восточный» вариант схемы богоданной власти должны были соединиться в единый контекст политического устройства мира. Записи переговоров представителей России и Священной Римской империи показывают, что русские дипломаты настаивали на применении к обоим правителям одинакового титула – «величество», который в империи фактически считали монопольным правом своего владыки².

Что же касается патриаршей власти, то в XVII в. она скорее трактовалась как власть всех вселенских патриархов православных церквей. Московская Россия (в лице и светского, и духовного лидеров) нередко прибегала к помощи вселенских патриархов, сложилась практика их длительного проживания в Москве, участия в различных официальных мероприятиях.

Формально русский патриарх занимал пятую позицию среди всех вселенских патриархов, но все другие патриархии находились на территориях государств, где православие не являлось официальной религией. Задача объединения православного мира становилась первоочередной задачей России. Царь Алексей Михайлович был готов «принести в жертву свои войско, казну и даже кровь» для избавления христиан, находившихся под игом иноверцев [Каптерев 1909-1912: 45]. Расширяя свое влияние в мире, Россия заботилась о том, чтобы ее призна-

¹ *Чин поставления на царство благочестивейшаго государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича всея России самодержца*. СПб. 1882; *Чин поставления на царство государя царя и великаго князя Федора Алексеевича. – Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ)*. Т. 2. СПб. 1830. № 648.

² *ПСЗ*. Т. 1. № 610. С. 1009-1014.

вали истинно православным государством. Не удивительно, что при проведении церковной реформы середины XVII в. Русская церковь при поддержке государства унифицировала свою обрядовую традицию с византийской, принятой в восточнохристианском мире. Влияние норм византийского церковного права, столь характерное для Древней Руси, в период высшего развития Московского царства вновь усилилось. За время с XI по XVII в. в стране было создано четыре общерусских законодательных свода: «Русская правда», Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Соборное уложение 1649 г. Влияние норм церковного права на светское очевидно в Пространной Русской Правде, крайне незначительно в судебныхниках Ивана III и Ивана IV, прослеживается в 144 из 967 статей Соборного уложения [Климов 2006: 15].

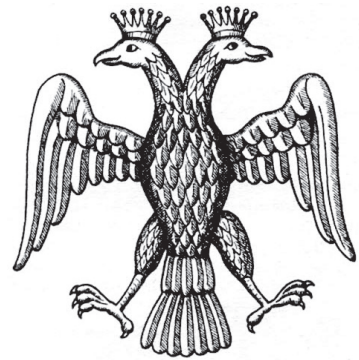
Испытанием для идеи симфонии властей – «Богу – богово, кесарю – кесарево» в России стало время становления абсолютизма – период, начавшийся с середины XVII в. Самый крупный конфликт духовного и светского лидеров XVII в. – противостояние между царем Алексеем и патриархом Никоном – показал, что каждая власть с опасением воспринимала усиление другой. Духовную власть волновало, что в руки государства переходит суд над духовенством по недуховным преступлениям, сбор средств с церковных имений. Светская власть боялась усиления патриарха, использовавшего тот же титул, что и царь, и провозглашавшего приоритет духовной власти над светской. Спустя полвека, в период Петра I патриарх Адриан провозглашал, что духовная и светская власть – два начала, устроенные Богом («Увещание к пастве»). Однако царство имеет власть только между людьми, священство – и на земле, и на небе. Царь, слушающий патриарха, слушает самого Христа [Карташев 1959: 256]. По мнению Стефана Яворского – местоблюстителя патриаршего престола по смерти Адриана («Камень веры...»), задача царской власти – заботиться о теле, церковной – о душе; задача подданных – повиноваться светским властям в делах гражданских, церковным – в духовных [Великие духовные пастыри... 1999: 363-366]. Прима́т государства над церковью стал одним из итогов царствования Петра и был оформлен в «Духовном регламенте»¹. Патриаршество ликвидировалось. Для управления церковью создавалась новая Духовная коллегия – Синод. Ее членами были лица духовного знания, при вступлении в должность приносившие присягу в Сенате на верность монарху.

Идея симфонии властей, казалось бы, ушла в прошлое, но ее символика сохранялась до тех пор, пока гербом России оставался двуглавый орел. Этот геральдический символ был присущ как Священной Римской империи и Византии, так и России с XV в. и до октября 1917 г. Орел был увенчан коронами, символизирующими причастность власти к Царствию Небесному, а его две головы изображали «священство» и «царство», защищающие, питающие и управляющие социальным телом, с которым они составляли единое целое (см. рис. 2). Данная триада на русской почве XIX в. дала начало теории «официальной народности» как любовного единства православия и самодержавия с обществом.

Глас народа – глас Бога

Следующим важным элементом политического устройства христианских государств, дополнившим принцип симфонии, стал принцип сотрудничества трех форм государственного правления, сложившихся в эпоху Римской республики в III–I вв. до н.э. Эта триада, описанная Полибием и Цицероном, содержала в себе прямой тип демократии в виде комиций, представительный тип – в виде аристократического правления сената и монархический, включавший в себя институт

¹ ПСЗ. Т. 6. № 3718.

Византия, с 1261 г.

Россия, 1497 г.

⇐ Священная Римская империя, 1499 г.

Рисунок 2. Двуглавый орел как геральдический символ

магистрата, состоящий из нобилей (консулов, диктаторов, преторов, цензоров). На Руси такое политическое устройство утвердилось в форме взаимодействия вечевой демократии (близкой по своей сути комициям), Совета господ, олицетворявшего аристократическое правление, с княжеской властью.

Поэтому Русь вслед за Византией и другими странами Европы отвергла принцип уподобления монарха Богу, существовавший в языческом Риме, но взяла на вооружение другой принцип: *vox populi – vox dei* (глас народа – глас бога). Это значило, что монарх больше не является «живым законом», ибо теперь сам закон выступает как «плод размышления мудрых мужей и общее соглашение граждан государства» [Николин (свящ.) 1997: 42]. Тем самым подтверждался принцип соборности как основы христианского управления, возрождавшей нравственные нормы коллективной жизни эпохи судейства и потому вошедшей в символ веры в качестве 9-го члена. Он свидетельствовал о единстве, святости, соборности и апостольском происхождении Церкви Христовой. Причем следует указать, что соборность никогда не понималась как слепое подчинение народных представителей политической воле лидера государства. Как указывал патриарх Тарасий при открытии VII Вселенского собора (VIII в.), «таков порядок, что каждый из присутствующих на соборе голосует свое убеждение» [Карташев 1994: 494].

В итоге Церковный собор как главный институт духовной власти, созданный еще в период Римской империи, не только был принят на Руси, но и способствовал появлению Земского собора.

Особенность Московской Руси, а позже – допетровской России заключалась не только в попытках усиления монархической власти, но и в постоянном поиске новых форм народного (сословного) представительства. Не удивительно, что становление царства (1547 г.) здесь практически совпадает с зарождением земских соборов (1549 г.), а развитие царства будет происходить после обретения Русской православной церковью самостоятельности параллельно с развитием собственного патриаршества. Церковь и земские соборы, с одной стороны, станут главной силой, препятствовавшей «извращению» царской монархической власти во власть тиранов, с другой – сохранят монархию в период ее кризиса.

В первом случае речь идет об опричнине Ивана Грозного, во втором — о Смуте, последовавшей после пресечения династии Рюриковичей.

Что же касается властной триады Полибия — Цицерона (сотрудничество демократических, аристократических, монархических форм правления), говорить о ее отмирании в России XVI—XVII вв. вряд ли уместно. Хотя в этот период мы уже не видим вечевых собраний — основы прямой древнерусской демократии, сословно-представительные учреждения новой эпохи несли в себе и демократические, и аристократические черты. Говоря о сословно-представительных учреждениях, не стоит сводить их только к земским соборам, поскольку параллельно с ними стали развиваться и пережили соборы в качестве полноправных участников вертикали управления местные представительные учреждения — губные и земские избы.

Сами земские соборы были составлены из невыборных и выборных курий — групп, внутри себя обсуждавших и принимавших решение по вопросу повестки земского собора. Невыборные курии — Боярская дума и Освященный собор на период действия земских соборов входили в него целиком как высшие государственные и церковные постоянно функционирующие учреждения, представляя в земском соборе духовную и светскую аристократию. Выборный элемент соборов делегировался от разных сословно-чиновных групп, начиная с московского дворянства и доходя в некоторых случаях (Собор 1613 г.) даже до крестьянства.

Тот факт, что земские соборы развивались в России в условиях усиления монархии, предопределил их отличие от большинства сословно-представительных учреждений Западной Европы. Если основной характеристикой западноевропейского сословного представительства являлось осознание сословиями своих интересов, предъявление их власти и отстаивание в рамках правового поля, то земские соборы были призваны выстроить новые связи между властью и обществом на завершающем этапе политической централизации.

В период восстановления России после Смуты (время соправления царя Михаила Федоровича и его отца — великого государя, патриарха Филарета) соборы совместно с царем работали над восстановлением финансовой системы, пополнением казны и контролем над расходами; занимались описью и дозором всех городов; сыском посадских людей и закладчиков; учреждением Сысского приказа для разбора злоупотреблений; подавлением казачьей анархии; восстановлением и укреплением рубежей России. Хотя вопрос о «долгих» соборах в российской историографии не получил однозначной трактовки, есть основания предполагать, что в первой половине XVII столетия деятельность ряда соборов продолжалась по несколько лет (соборы 1613—1615 гг.; 1616—1618 гг.; 1619—1621 гг.; 1636—1637 гг.; 1639—1642 гг.). Подтверждением тому служит факт призыва в столицу «лучших детей боярских» из провинциальных городов сроком на 3 года. Взаимодействие царя и представительных элементов земских соборов дополнялось демократическими правами более широкого толка — правом всех категорий населения подавать челобитные (прошения) на имя высшей власти. В 1620—1630-х гг. челобитные стали содержать проекты социальных изменений [Морова 2008].

Наиболее демократическим элементом являлись губные и земские учреждения. Губные были распространены в уездах, где преобладало землевладение светских феодалов, земские — на территориях с черносошным населением, несшим повинности по отношению к государству. Во главе губной избы стоял губной староста, выбиравшийся из детей боярских и дворян всеми сословиями данной местности и утверждавшийся центральным судебным-исполнительным учреждением — Разбойным приказом. Хотя срок пребывания на губных должностях (старост, целовальников, дьячков, рассыльщиков, палачей и пр.) не был

ограничен, правительство настаивало на проведении перевыборных кампаний [Колесникова 1995: 8-10]. Срок полномочий земских (посадских) старост был ограничен 1 годом, старосты выбирались всеми посадскими людьми, несшими полную ответственность за избранное лицо. Даже если согласиться с теми историками, которые усматривают со второй половины XVII в. снижение роли земских соборов (Собор 1653 г. стал последним полнокуриальным, а после него правительство перешло к практике совещания с сословными комиссиями), нельзя отрицать сохранение роли местных сословно-представительных учреждений до начала XVIII столетия, т.е. времени начала масштабного реформирования всей вертикали власти и управления Петром I. Вторая половина XVII в. потребовала каждодневного взаимодействия всех элементов государственного управления. Наладить такое взаимодействие между бюрократизирующимися центральными учреждениями — приказами и местными учреждениями (выборными губными и земские избами, с одной стороны, назначаемыми царем воеводами и подчиненными им съезжими избами — с другой) оказалось вполне реально. Земские соборы не вписывались в эту схему не потому, что были выборными (представительными), а потому, что не имели конкретных сроков созыва, требовали слишком много времени и усилий, чтобы собраться в составе, отражавшем все население страны. В целом российское двухуровневое (центральное и местное) сословное представительство XVI—XVII веков стало платформой усиления монархии, ее трансформации от великого княжения к царству, самодержавию, императорской власти.

Список литературы

- Аннерс Э. 1994. *История европейского права*. М.: Наука. 397 с.
- Берман Г.Дж. 1994. *Западная традиция права: эпоха формирования* (пер. с англ.). М.: Изд-во МГУ. 590 с.
- Варьяс М.Ю. 2001. *Краткий курс церковного права*. М.: МЗ Пресс. 128 с.
- Великие духовные пастыри России* (под ред. А.Ф. Киселева). 1999. М.: ВЛАДОС. 496 с.
- Каптерев Н.Ф. 1909-1912. *Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович*. В 2 т. Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры. Т. 1. 1151 с.
- Карташев А.В. 1959. Патриарх Адриан (1690—1700 гг.). — *Очерки по истории Русской церкви*. Т. 2. Париж: YMCA-PRESS. С. 255-264.
- Карташев А. В. 1994. *Вселенские соборы*. М.: Республика. 541 с.
- Климов А.Ю. 2006. *Влияние греческого Номоканона на русское светское законодательство в русле церковно-государственных отношений конца X — середины XVII вв.*: автореф. дис. ... к.и.н. М. 18 с.
- Колесникова Е.А. 1995. *Местные органы власти в России после Смуты (1613—1645 гг.)*: автореф. дис. ... к.и.н. М. 16 с.
- Морова О.В. 2008. *Роль Земских соборов в управлении Московским государством при Михаиле Федоровиче*: дис. ... к.и.н. М. 233 с.
- Николин А. (свящ.) 1997. *Церковь и государство*. М.: Изд. Сретенского монастыря. 430 с.
- Успенский Ф.И. 2001. *История Византийской империи*. В 5 т. М.: Астрель; АСТ. Т. 1. 1552 с.

ASONOV Nikolai Vasil'evich, *Dr.Sci.(Pol.Sci.), Academician of the Academy of Political Science, Professor of the Chair of Political Science and Sociology, Social and Humanitarian Education Institute, Moscow State Pedagogical University (1, bld. 1 Malaya Pirogovskaya St, Moscow, Russia, 119991; nbassonov@yandex.ru)*

TALINA Galina Valer'evna, *Dr.Sci.(Hist.), Professor; Head of the Chair of History, Social and Humanitarian Education Institute, Moscow State Pedagogical University (1, bld. 1 Malaya Pirogovskaya St, Moscow, Russia, 119991; gtalina@yandex.ru)*

THE GENESIS OF RUSSIAN NOTIONS ON STATE AND POWER

Abstract. *The authors of the article prove that Russia was inherent in European, but not Asian power organization from the very beginning. The forming of Russian state dates back to feudalism, when the religious value system laid in the basement of valuation of state and power. The church law based on the Rome law played a very important role in all the Christian states. The study on secular and sacred power as of two heads of a united social body dominated in Western Europe; and it was penetrating and settling in Russia in the 10–15th centuries. The Christian scheme of state administration headed by Jesus Christ dominated in Russia. In the 16–17th centuries Moscow positioned itself as a new center of worldwide Orthodoxy. In the Russian version of the state administration scheme, a Russian tsar took the place of a Byzantium patriarch and had the same position as an Emperor of Holy Roman Empire; ecumenical patriarchs including a Russian one had the level equal to a Pope's one. The idea of «render unto Caesar the things that are Caesar's, and unto God the things that are God's» was preserved in Russia in forming of national model of absolutism in the second half of the 18th century. It grew to the primacy of the secular power during the reign of Peter the Great. The principle of cooperation of three forms of state administration (democratic, aristocratic, monarchical), described by Polibius and Cicero became an element of the political setup of the Christian states. Russia did not deify monarch with god, and followed the principle «vox populi – vox dei». The collegiality in making decisions was inherited by Zemsky Sobor (Assembly of Land) from Church one. Zemsky Sobors after veche (popular assembly) were the forms of people's representatives. The tsar and patriarch institutes and local bodies of self-governing (zemsky and gubny izba) showed a greater viability in development of national model of absolutism than central estate representatives. Forerunners of Peter the Great's throne insisted on a strict system in the elections to local institutions and succeeded in their relations with vovodes (governors of a province in ancient Russia) and central executive and court institutions (prikaz).*

Keywords: *symphony of powers, monarchy, autocracy, aristocracy, people's democracy, popular assembly (veche), Assembly of Land (Zemsky Sobor)*
